

Встреча для вас

ВЕСТЬ ОТ МАРКА

Он не нуждается в славе. Ему ни к чему комплименты. Для него излишни восторги. Это все у него есть в избытке. Он носит престижное, почтенное, всенароднолюбимое и уважаемое звание, которое принадлежит только ему одному. Называется - Марк Захаров.

- Честно говоря, Марк Анатольевич, я никогда не держала в памяти ваше членство в КПСС. Гельман или Шатров, например, никогда не давали об этом забыть, а с вашим именем вспоминались "Тот самый Мюнхгаузен", "Обыкновенное чудо", запрещенное "Доходное место" с Андреем Мироновым...

- Могу откровенно сказать вот что: "Доходное место" я ставил будучи беспартийным. Но потом один человек, который объективно, наверное, сделал полезное дело, вызвал меня и сказал: "Есть решение: примем тебя в партию и дадим театр". Без этого вступления я тогда не мог иметь свой театр и заниматься искусством в той степени, в какой хотел.

- Это был компромисс?

- Да, вынужденный компромисс. Многие на него пошли. Тут так сложилась жизнь, что если хотел действовать, то неизбежно с этим сталкивался. Существовала квота, разнарядка, надо было принять необходимый процент интеллигенции.

Я долго тянул с выходом из партии. Не хотелось совершать каких-то резких движений, я их не очень люблю в жизни. Все ждал от новых лидеров, когда они пойдут по классическому социал-демократическому пути, который привел страны Скандинавии. Данию к совершенно другим политическим структурам, другому уровню цивилизации. Но оказалось, что это невозможно. И когда во время путча я узнал о причастности высших партийных структур к государственному преступлению, довольно подлому и низкому, шифровка, которые шли во все концы страны, то почувствовал, что не могу больше пребывать в партии. Тем более что некоторые люди мне верят (у "Белого дома" встречали аплодисментами). Я просто чувствовал физическую тяжесть, когда в кармане лежал партбилет. Это, конечно, очень субъективные ощущения, которыми я делюсь.

- Вообще вы, почти как Михаил Сергеевич, до последнего надеялись, что партию можно реформировать. Всем давно все было ясно, а он боялся предать "авангардную часть", пока она его не предала.

- Ну есть же вещи, очень трудно решаемые. Вот я вам сейчас задам вопрос, а вы мне быстро ответьте. Мы стали на путь суверенизации, даем возможность бывшим союзным республикам, которые являлись вассалами и ориентировались на указания из центра, стать на путь самостоятельного строительства. Это естественный и закономерный процесс, и люди моего окружения в большинстве своем с сочувствием относятся к тому, что стало с Литвой, Латвией, Эстонией. Скажите, пожалуйста, каждый народ имеет право на государственность или есть где-то граница, когда можно сказать: вот вам можно стать самостоятельными, а вам нельзя, и почему нельзя? Это количественный или качественный момент определяет эту границу?

- Мне кажется, что не количественный, это было бы несправедливо по отношению к меньшинствам.

- Ага, ну есть такие меньшинства и национальные округа, даже неоформленные, как, допустим, лопари, живущие под Мурманском. Что делать, если они завтра захотят стать самостоятельными?

- Этот вопрос надо решать в пределах разумного.

- Ну что такое пределы разумного? Вот я однажды был в магазине, и мне сказали: "Вот Захаров, дайте ему колбасы, но в пределах разумного", и эти "пределы" были продиктованы субъективными суждениями продавщицы. А какая правовая норма? Могут ли лопари, двухтысячный народ со своей многовековой культурой, объявить, что завтра они становятся независимым государством? Должны ли мы их поздравить и помочь напечатать деньги?

- Ну есть же Люксембург, Ватикан, прецедент существует. Мне кажется, что теоретически здесь границы быть не должны. Но практически тем же лопарям суверенитет крайне будет невыгоден.

- В таком случае любая народность, которая может вся поместиться в пределах камерного театра, имеет потенциальное право на государственность.

Я просто коснулся проблемы, которой до конца не понимаю, мучаюсь, потому что я режиссер. А это такая профессия, когда кажется, что ты все знаешь и на все вопросы можешь ответить. Поэтому я и поинтересовался, что думаете вы об этом.

- Я вас тоже хочу спросить об одной вещи, которую не совсем понимаю, вернее, чисто эмоционально понимаю и, может быть, в подобной ситуации сама так же поступила бы и все-таки: зачем вам понадобилось быть "фактиром" и жечь в прямом эфире партбилет? Сейчас вы бы по-другому поступили?

- Да, сейчас бы сделал по-другому. Я вообще человек настроения и иногда жалею о некоторых поступках. Это уж мое свойство такое. Бывает, набираю много работы, с которой всерьез справиться не могу. С ужасом смотрю на свою визитную карточку, где

СМ. - РИГА - 1992 - 102 мб.

дирекция мне написала все, кем я являюсь, и думаю: "Боже мой, куда меня занесло?" В эйфории перестройки казалось, что вот только сейчас все по-настоящему началось и надо участвовать в каждом деле. Применительно к другим я это понимаю, останавливаю иногда своего главного художника от того, чтобы ему не заниматься архитектурой, не делать надгробия. А собственные шаги, особенно если они подчинены эмоциям, очень сложно проконтролировать.

- Марк Анатольевич, за окном вашего кабинета за шесть часов до начала "Поминальной молитвы" стоит огромная очередь желающих попасть на спектакль, который, с одной стороны, радует тем, что в это жуткое время остался театр, сохранивший престиж, а с другой... В этот приезд мне показало, что антисемитизм в Москве вышел из подполья.

- К сожалению, проблема антисемитизма всегда имела место в жизни России и страны вообще. Я думаю, что сейчас сделано "все возможное", чтобы лишить людей этой национальности. А это затруднит переход к предпринимательским структурам, вход в цивилизованный рынок. Мне кажется, что мы находимся в той стадии проблемы, когда она переходит в стадию печальной неизбежности.

- Вы говорите о "раскрутке" ее, а откуда она сейчас взялась?

- Она взялась из старых идей. Может быть, даже генетически

ущербным, а именно необразованным. Вот почувствуешь - возможно, это станет неким побудителем для того, чтобы изменить свою жизнь.

Нас приучили, что должен быть сюжет. Если это живопись, то должна быть нарисована тяжелая жизнь бурлаков. Или как трудно матери-вдове качать ребенка без отца. Или человек, подчитывающий деньги, а денег мало... То есть четкая утилитарная социально-политическая идея.

Оказалось, что жизнь богаче, что воздействие на сознание человека, благотворное, зачастую целебное, идет по многим каналам. И идея литературного сюжета - только часть этой богатой информации. Можно посадить рост-

ступала к человеку с ножницами, который мог делать все, что хотел. В этом смысле участие в кинематографическом процессе было делом тяжелым и нервным.

- Да, в "Свифте" действительно было над чем потрудиться цензуре, хотя это вещь о вечном. Кстати, Марк Анатольевич, вам хотелось бы, чтоб "Тиль" или "Юнона" и "Авось" шли до года 2035? Ведь идет же "Синяя птица" Метерлинка во МХАТе, которую еще Станиславский ставил. На программке так и написано: постановка 1908 года.

- С одной стороны, такое было бы приятно, а с другой - театр все-таки основан на живых, меняющихся контактах со зрителем. И зритель очень изменился за последние три-четыре года. Изменились вкусы, потребности, повысилась информированность, люди хорошо знают среднестатистические приемы. Поэтому рано или поздно наступает момент, когда спектакль стареет. В отличие от произведений живописи, которые со временем иногда становятся ценнее.

Когда я учился в десятом классе, моим любимым поэтом был Владимир Маяковский. А сейчас как-то по-иному воспринимается "ваше слово, товарищ маузер" или "выставили в музей плачущего большевика", ассоциирующегося с Николаем Ивановичем Рыжковым. Понимаешь, что время Маяковского как бы ушло.

- Я у вас когда-то уже об этом спрашивала, но повторюсь: зачем вам, Марк Анатольевич, понадобилось идти в политику, ведь это же грязное дело, мне кажется...

- Вы знаете, что... Буш все-таки доказал в войне в Персидском заливе, где политика доведена до крайних антигуманных мер, что она может быть делом нравственным и довольно чистым. Так вот я думаю, что это наша цель - делать чистую политику. Хотя у нас, вы правы, она всегда была делом грязным и основные механизмы осуществлялись где-то за кулисами. Мы видели только поверхностный слой. Если вы у меня спросите, что у нас произошло в стране с 19 по 21 августа, то серьезно, каким-то научным образом я вам не смогу ответить. Потому что там очень много недостающих звеньев и вопросительных знаков. И весь процесс можно подразделить на две условные части: когда Раиса Максимова чувствовала себя хорошо и когда она чувствовала себя плохо.

А что касается политики, то я отношу свое участие в работе депутатского корпуса действительно к какому-то собственным недостаткам и той эйфории, когда твои товарищи выбирают тебя на пленуме Союза театральных деятелей.

- Ах, я и забыла, что вы от общественной организации избраны...

- Да, я депутат второго сорта, второй свежести, как говорил герой Булгакова. Иногда, знаете, бывает трудно отказаться. Недаром Ежи Лец, замечательный человек, очень афористично мысливший, говорил, что бывает надо собрать все мужество, посланное тебе Богом, добавить вдохновение, чтобы сказать парикмахеру: "Мне без одеклона, пожалуйста".

- С депутатством ясно, а вот другая сторона. Вы были заслуженным деятелем культуры РСФСР, потом народным артистом того же, потом народным артистом СССР, сделали, можно сказать, головокружительную карьеру. Что это вам дало?

- Ни-че-го. Осталось только стать дважды героем социалистического труда. Когда Михаил Сергеевич, вместе с Раисой Максимович будучи в Нью-Йорке, в короткой беседе похвалил меня за фильм "Убить Дракона" и я это как зачарованный слушал, то в старое застольное время после таких слов две "звездочки" на груди можно было бы поиметь.

А если серьезно, то я считаю такие звания остатком нашего феодального мышления. Их нигде в мире нет, кроме как у нас и Монголии. На Западе имя человека и есть то звание, которое он заслужил. А у нас, если ты имеешь звание народного артиста СССР к твоей зарплате доплачивают энное количество денег. Если республики - немного меньше.

- Это ужасно.

- Да, ужасно. И если там - "СССР", тогда ты имеешь право

ехать в мягком вагоне, а если ты просто хороший артист - ты этого права не имеешь. Такая регламентация делает жизнь очень сложной, особенно это касается наших коллег, которые живут не в столицах. Там звание для них - это автомобиль, квартира, хороший детский сад для ребенка, добавление к зарплате. К сожалению, мы от этого пережитка не уходим. Я об этом писал, размышлял. Но надо сначала изменить социальные структуры, влияющие на жизнь, при которой надо доплачивать за звание.

- Должна вам сказать, что вы пользуетесь популярностью и как писатель. Например, вашу книгу "Контакты на разных уровнях" у меня уже года два как взяли почитать и до сих пор не могут оторваться.

- Иногда я чувствую в себе некие графоманские позывы, мне нравится сидеть за столом и наблюдать, как на чистой бумаге появляются буквы. У меня есть сейчас предложение написать книгу, но я пока не решаюсь, потому что это большой труд.

- Вам когда-нибудь бывает стыдно за какие-то свои поступки?

- Да вот вы мне тут вспомнили про выход из партии. Наверное, это надо было делать спокойно, без иллюминации.

- Вы когда на пенсию выйдете...

- Я на пенсию не выйду, я помру раньше. Человек, занимающийся режиссурой, действует до тех пор, пока жив. Хотя думаю, что как поэт пишет лучшие стихи до сорока, так и режиссера есть какой-то биологический порог, после которого спектакли у него могут уже и не получаться. Правда, есть прекрасные исключения: Стравинский был интересен всегда, Пикассо - тоже.

- Вы на сто процентов человек XX века или вам было бы уютнее где-нибудь в позднем Возрождении?

- Нет, я родился в 33-м году, и мне кажется, что это правильно. Так и должно было быть.

- Мне тоже так кажется. Спасибо.

Валентина СЕРИКОВА.

Фото М. ИЛЬЧЕНКО.